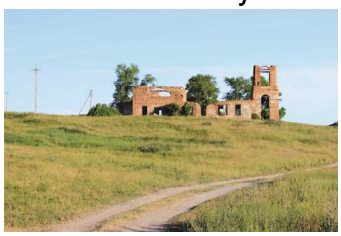
Все те мелочные подробности ежедневной нашей жизни,
которыми мы пренебрегаем в настоящее время...
становятся драгоценными по прошествии столетия,
потому что живо рисуют пред нами нравы, обычаи, привычки давно исчезнувшего поколения...
ДМИТРИЙ БЛАГОВО,
«Рассказы бабушки»



В этом номере мы продолжаем публиковать материалы о прошлом нашего края, в судьбе которого большую роль играли и помещики.
Слово помещик образовано от поместья, которым наделялись служивые дворяне.

Многие из них были с предпринимательской жилкой, созидателями, в большинстве своем неплохо знающими свое дело. Жупел эксплуататоров навесили на них позже. Сейчас у общества огромная потребность приоткрыть завесу над истинной историей своей Родины, своего народа, очистить ее от налета, оставленного сменяющимися общественно-экономическими формациями. В этом плане весомое значение имеют исторические свидетельства, оставленные нам в наследство личностями, вписавшими свои имена в российские анналы истории. Их оценка прошлого нашего государства ценна и заставляет по-иному осмыслить многие судьбоносные периоды в жизни нашей державы, снять шапку перед ними, поклониться долу нашей Великой истории.
Воспоминания Николая Петровича Олферьева, часть которых мы публикуем сегодня, пока еще не были изданы. Они хранятся в семейном архиве его внучки Н.В. Дмитриевой, искусствоведа, члена Союза писателей России, директора департамента культуры Московского Дворянского Собрания. Надежда Владимировна любезно согласилась поделиться частью воспоминаний своего предка для нашей газеты.

НА СЛУЖБЕ
ОТЕЧЕСТВУ

Моя статья посвящена мемуарам моего дедушки Николая Петровича Олферьева

(1875-1967), чей род занесен в шестую часть родословных книг Пензенской губернии. Эти объемные, в 500 с лишним страниц машинописи, воспоминания еще не изданы. Николай Петрович писал их уже в весьма зрелом возрасте, начав осмысливать свою долгую и трудную жизнь. Ему очень помогло то, что он всегда вел дневник, и не только вел, но и сохранял все свои дневники. Выдержки из подлинных дневниковых записей разных лет украшают страницы рукописи, подобно драгоценным жемчужинам.

Как истинный представитель служилого сословия, Николай Петрович большую часть мемуаров посвятил своей деятельности на службе государству. А деятельность его была удивительно активной даже по меркам сегодняшнего дня. Он был юристом-землеустроителем, работал у Витте, участвовал в реформе Столыпина, о чем мы еще скажем.

Мемуары отчетливо делятся на две части. Сперва - жизнь (детство, гимназия, университет, далее - очень интересная служба), затем, после 1917 года - выживание, «работа пенсионера». Как итог работы над историческими источниками, в рукописи появились интересные главы «Ушедший быт», «История происхождения некоторых состояний», «Укрытые сокровища».

Вот, например, история Владимира Аполлоновича Колокольцева, страстного охотника и собирателя редких ружей («никому в жизни вреда не принес, но зверя и птиц на своем веку истребил много»); знаменитые «колокольцевские» шерстяные шали вырабатывались крепостными его пращуров. В годы революции, когда по всей губернии шли обыски, Колокольцев свои знаменитые ружья «крепко упаковал, засмолил и опустил в реку Шушу; там они, возможно, и доныне охраняются водами...».

Дед прожил 93 года. До старости у него сохранялись прекрасная память, светлая голова, удивительные оптимизм и жизнелюбие. И когда говорят, что все древние роды вырождаются, я всегда вспоминаю деда как пример телесного и душевного здоровья. Быть может, в основе этого лежали удивительная доброта и незлобивость. Как иначе можно было пережить все, что выпало на долю этого поколения, и не озлобиться, и сохранить веру...

Род Олферьевых

Род Олферьевых ведет начало с 1327 года. Позднее Олферьевы войдут в свойство с царями Иваном Грозным и Борисом Годуновым. При Годунове же в числе отправленных за границу учиться и оттуда не вернувшихся знатных юношей был и Никифор Олферьев. А Иван Васильевич Олферьев участвовал в дипломатической подготовке и оформлении Переяславской рады, когда гетман Богдан Хмельницкий присягал на вечную верность Москве. Сражались Олферьевы и на Куликовом, и на Бородинском полях, и во многих иных сражениях.

Семь веков все мои предки, и по отцу, и по матери, жили на нынешней Саранской земле. Здесь прошло и раннее, до 10-летнего возраста, детство Николая Петровича. Он и его родной брат-близнец Сергей Петрович родились в 1875 году. Его дед Александр Иванович Олферьев (родился в 1801 году) был инженером путей сообщения, сохранился его акварельный портрет в военном мундире, в руках - треуголка с пером. В нашей домашней библиотеке хранились сочиненные им проекты крепостей. А когда молодой инженер приехал в Пензу, где его отец занимал должность вице-губернатора, то по его проектам там строили дома и церкви, некоторые из которых стоят до сих пор.

В Пензе Александр Иванович женился на дочери помещика А. И. Литвинова, получив в

приданое село Уда в 20 километрах от Саранска. Несколькими поколениями собиралась знаменитая Удинская библиотека, чьи описания вошли в авторитетные печатные каталоги. Во время революции она была разорена и распылена. В Уде Олферьевы выстроили школу (в 1907 году) и больницу, поддерживали три огромных пруда, изобилующих рыбой -лещами, окунями, сазанами. Как пояснял автор заметки «Удинские благословенные пруды» (журнал «Природа и охота», 1880), рыба была крупной и здоровой потому, что владельцы Уды берегли, не вырубали леса вокруг прудов.

Внутренность удинской церкви запомнилась моему деду «строго выдержанным Александровским стилем: позолота почти отсутствовала, но изящество, вкус, художественность отделки были поразительно просты и красивы».

УШЕДШИЙ БЫТ

Здесь, в Уде и родились братья-близнецы. Еще ждет своих исследователей то, как сказывалось на дворянских детях воспитание в имениях, среди природы. Ведь заложенное тогда не стиралось из памяти до самой старости. В 90 лет дед писал о своем детстве так, словно это было вчера. «Природу мы любили и знали, но зато не могли себе представить, что такое большой город, какие там люди, как они живут. Понятно, что при таких условиях церковь была приманкой для нас, привлекательным развлечением. Мы любили пасхальную неделю, пасхальный звон, любили христосоваться со всеми, кто шел к нам навстречу. Всю неделю парни и ребята часами не сходили с колокольни, трезвонили во все колокола. Были специалисты этого дела - приезжали со стороны слушать эту музыку, как в городах слушают на концертах творения симфонических классиков. Прибежишь на площадь около церкви, где на березах гости весны -грачи - уже дерутся из-за старых гнезд. Разодетый по-праздничному народ наслаждается впечатлением весеннего, веселого дня. Девушки и парни катают раскрашенные яйца или играют в орлянку. Нам так весело, особенно после зимних холодов, что словами этого не передашь. Прибежишь домой, там стол разукрашен всем, всем, чего обычно не бывает. А после Пасхи начинается веселое время - весна и лето, приезжают старшие братья и сестры на каникулы, привозят интересные подарки, приезжают соседи с детьми, нашими сверстниками: семья Татищевых жила от нас в шести верстах, Филатовых - в восьми... Надо сказать, что жизнь среднего делового помещика была довольно тяжелой и неблагодарной по своим результатам. Под словом «помещик» понимались все, владевшие землей, начиная от царя и великих князей, сановников, промышленников и кончая тружениками маленьких имений. Слово «помещик» являлось каким-то жупелом в общественном мнении, а между тем, если взять среднего делового земледельца, сиднем сидящего всю жизнь на земле, связанного видимыми и невидимыми экономическими нитями с крестьянским населением, приводящего сельскохозяйственную культуру в округе, - и ежедневно читающего в газетах и журналах отрицательное к себе отношение, то надо удивляться, как эти знающие свое дело люди оставались на земле и не бежали в город, где могли бы спокойно резать купоны или заниматься бумагомаранием в канцеляриях за твердый оклад».

ДВОРЯНСКОЕ ГНЕЗДО

В 70 километрах от Уды, в селе Пестровке находился стеклянный завод Бахметьева.

Будучи в приятельских отношениях с его владельцем, А.И. Олферьев решил завести такой же и выбрал под него место в селе Лавретьево Темниковского уезда, вблизи Саровской пустыни, где у него была земля: «сплошной песок и сосновый лес». И когда завод был построен, А.И. Олферьев с семьей перебрался из Уды туда.

Родители Николая Петровича в 1867 году вернулись жить в Уду. Его отец скупил распылившиеся было «наследственные части» родового имения, из своей земли (всего 862 гектара) оставил в неприкосновенности 200 гектаров леса, которые питали влагой большие пруды, 400 гектаров пустил под свой собственный посев, а остальное отдавал в долгосрочную аренду крестьянам «по цене 5 рублей за гектар, причем эта цена за мое время, - пояснял дед, - никогда не менялась».
Продолжение следует.